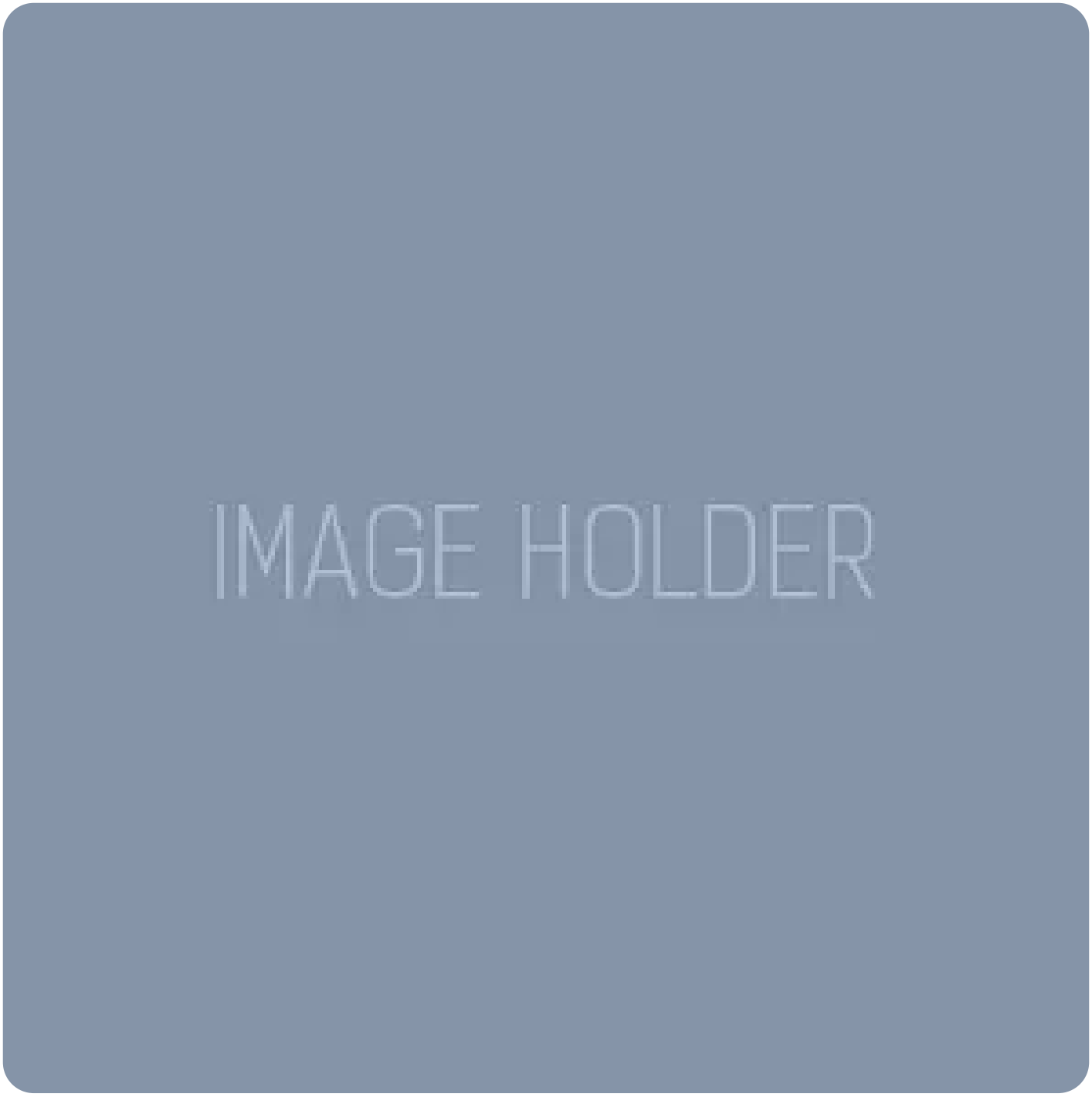

На страже родовой усадьбы

Жанр произведения: Другое

Произведение написал автор BookBox L_Ver_Barhat

Ссылка на публикацию

Алиска выскочила на платформу, ёжась от резкого и холодного апрельского ветра. Электричка, просвистев, умчалась дальше, а девушка не торопилась. Когда-то давно, в раннем детстве, она жила в какой-то подобной местности – дачной, далёкой от домов-высоток и шумного метро. Тогда каждый выезд к бабушке на дачу Алиса ныряла в ощущение радости летнего отдыха вместе с папой и мамой. Но с тех пор прошло около двадцати лет. Родители развелись, и

путь в это заповедное дачное место ей был заказан. Теперь же корреспондентская судьба забросила её на этот полустанок. Неожиданно Алиса ощутила дуновение воспоминания: название станции ей показалось знакомым…. Неужели именно та самая? Похоже, что именно так! Хотелось осмотреться, окунуться в беззаботную радость и настроиться на встречу с детством. Даже глаза девушка непроизвольно закрыла, глубоко вдохнула свежий ветер. - Тяф! – из погружения в воспоминания Алису выдернула страшно худая шавка с голодными глазами. Робко вильнув хвостом, она тут же отпрыгнула в сторону: Алиса с перепугу топнула на неё ногой. Утреннее апрельское солнце уже спряталось в мрачных и черных тучах. Холодный ветер трепал локоны журналистки и бросал холодную морось в лицо… Ни одой капли похожести с тем детским счастьем летних наездов в эти края! Тогда посёлок шумел стуком топоров, наглым утренним кукареканием петухов, стрёкотом кузнечиков и музыкой из каждого окна! А какой аромат разлит был в воздухе: цветники благоухали, с кухонь оладушками пахло, а от озера тянуло запахом тины! В памяти всплыли качели около крыльца – там маленькая Алиса встречала папу с электрички и усиленно оттягивала момент, когда отправят спать. «Просто не сезон ещё отпусков», – подумалось Алисе. Но с каждым шагом она убеждалась: дело не во времени года. Этот посёлок умер. Или почти умер. Ни одной живой души, кроме той худющей шавки. Унылость, запущенность и заброшенность сквозила в покосившихся заборах, в некрашеных фасадах перекошенных домишек, в отсутствии дороги. На узкую тропинку наступали с двух сторон разросшиеся кустарники, под ногами чавкало и хлюпало. И эта странная унылость рождалась из мрачной атмосферы тайны. Это ощущение появилось и не исчезало теперь, заставляя девушку всей кожей прислушиваться к звукам, запахам. – Кааар! – крик был такой резкий и громкий, что девушка вскрикнула тоже. И тут же на плечо ей шлёпнулся кусок свежего мяса. – Фу! – Алиса стряхнула гадость со светлого пальто, передёрнувшись всем телом от омерзения. Огромная ворона пролетела так низко над головой, что едва не чиркнула крылом по затылку. От происшествия стало совсем неуютно. «Надо выполнить задание и через три часа впрыгнуть в обратную электричку! Очень хочется унести отсюда побыстрее ноги. И не буду я искать бабушкин дом», – скользнула мысль. Одно порадовало: она стояла на улице, которую надо было найти: на заборе была прибита дощечка с надписью: «Кривая улица». А около следующего дома Алиса разглядела сгорбленную фигуру старухи. Та стояла молча, облокотившись о ствол согнутой старой вишни. – Здравствуйте! Не подскажете, где здесь старинная усадьба начала 19-го века? – радушно обратилась девушка к единственному человеку в этом заброшенном краю. Старуха смотрела исподлобья, и от этого взгляда стало жутко. Ни тени улыбки не просочилось из-под чёрного платка. – Иди, тебе подскажут, – услышала Алиса уже в спину. – Ну и местечко! С неба стала срываться колкая крупа, дохнуло

холодом. Но не весенним, а больше могильным. Алиса подняла воротник, постаралась ни о чём не думать, а просто шагать, перепрыгивая грязь. Иногда поднимала глаза, осматриваясь. Ни один из этих ветхих домишек не тянул на господскую усадьбу. Лачуги, хибары, развалюхи, но только не вековые стены когда-то богатого дома, смотрели из-за заборов. Наконец, она дошла до огромного дуба, тропинка здесь раздваивалась, уводя в две улочки. По которой из них идти дальше? Несколько шагов по левой тропе и прямо перед ногой опустилась опять гадская ворона. И не давала пройти! – Вот дрянная птица! – возмутилась девушка. И пошла в другую сторону. И сразу же увидела каменный забор. О, чудо! Кажется, она нашла то, что искала. Вот только ноги устали. Едва переставлялись… В проём каменной калитки пришлось входить, опустив голову: таким низким был проход. Будто даже забор и калиточный проём тихо врастали в землю. Запустение и здесь царило: бурьян, разросшиеся колючие кустарники, поваленное дерево… «Мерзкое нежилое место!» Всегда чувствуешь себя неприятно, заходя на чужую территорию без спроса. Вот и сейчас ноги почему-то не шли в сторону крыльца. И слабость накрыла. Глаза стали слипаться, руки отяжелели. Почему-то взгляд зацепился за каменную кладку и старый фонарь у крыльца, рядом со ступеньками. С трудом достав фотоаппарат, Алиса сделала несколько снимков. Крыльцо, забор и проём калитки, на большее сил не хватило. Она просто съехала на нижнюю ступеньку, выронив камеру. Глаза закрылись сами собой. Сколько она так провалялась на гнилых ступеньках – не осознавала. Пришла в себя от жёстких пощёчин апрельского ливня. Сухое толстое дерево рядом стонало и скрипело, то ли от ветра, то ли из солидарности с немощью незваной гостьи. С трудом девушка поднялась и, затолкав камеру в сумку, практически поползла подальше от развалин бывшей усадьбы. До станции она просто тащила себя. Состояние было такое, будто избили. Но одна мысль упорно сверлила мозг… Только поймать её не удавалось. На единственную лавочку на станции Алиса рухнула всем телом. Та же собачонка снова появилась на платформе. Подошла без приглашения, села у ног и ловила пастью снежинки, клацая челюстями. А потом внезапно развернулась и впилась взглядом в глаза непутёвой журналистки. Собака молчала. Однако взгляд был осознанный. Совсем не было жалкого вида у животного, как давеча. «Не приезжай сюда больше! Дух твоей бабки по-прежнему живёт в доме, и он обижен на тебя и твою мать. Второго шанса уйти живой она тебе не даст!» – говорили эти несобачьи глаза. И тут в голове воскресла картинка – ясная, как майское утро: маленькая Алиса сбегает с того самого крыльца, в голубом платьице в горошек, грустный папа подсаживает дочурку на качели, а бабушка и мама где-то на кухне ругаются. Едва слышна перебранка, заглушаемая скворчащей сковородкой: – Этот дом – наше родовое гнездо. Здесь жила моя бабушка, здесь меня в люльке качали! – Но он старомодный, ваш дом! От его брёвен нафталином веет. Его можно перестроить: снести пару стен, сделать большой холл… Вашей внучке

можно сделать детскую в ярких картинках, а террасу переделать для того, чтоб большой компанией собираться. Потолок ведь течёт, с него можно и начать ремонт. – Пока я могу его защитить – он будет стоять таким, какой есть! Бабушка и после смерти сдержала слово – никто не мог безнаказанно выстроить планы на останки этой усадьбы. Три предыдущих корреспондента, заказанных разными агентствами по старинной недвижимости, вернулись с испорченными фотографиями. Один упал, сломав технику, другой стёр случайно. Посёлок стал обрастать дурными слухами, и место пустело и ветшало. Говорили даже, что бабка иногда мерещится в этих краях с верной вороной на плече. Так дачный посёлок Княжий практически вымер, ревностно оберегаемый духом Алисиной бабушки от посторонних людей.